

АЛЕКСАНДР БАЛЫБЕРДИН

**ЭХО
ВООКОВОГО ЛЕСА**

РОМАН-НАДЕЖДА

**BU
BUCHEN
EN
WA
LD**

Александр Геннадьевич Балыбердин

Эхо Воокового леса.

Роман-надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25440279

ISBN 9785448561368

Аннотация

Роман «Эхо Воокового леса» продолжает цикл размышлений о настоящем и будущем, начатый книгой «Вооковый лес», и вместе с тем является самостоятельным произведением, вдохновленным творчеством Олдоса Хаксли и Джорджа Оруэлла, Евгения Замятина и Юлии Вознесенской. Действие романа разворачивается в конце XXII – начале XXIII века в Париже и Реймсе, Берлине и Дрездене, Риме и Венеции, на Готланде, Нерли и Вятке. Захватывающая история о вере и любви, которая будет интересна широкому кругу читателей.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1. Мать Мария	8
Глава 2. Как всё начиналось	18
Глава 3. Подруги	22
Глава 4. Братец кролик	26
Глава 5. Трепанация сознания	32
Глава 6. Опять двадцать пять!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эхо Воокового леса

Роман-надежда

Александр Геннадьевич
Балыбердин

Посвящается Ирине

*Сей есть Сын Мой Возлюбленный,
в Котором Мое благоволение;
Его слушайте.*

Мф. 17, 5

Фотограф Александр Геннадьевич Балыбердин

© Александр Геннадьевич Балыбердин, 2017

© Александр Геннадьевич Балыбердин, фотография, 2017

ISBN 978-5-4485-6136-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

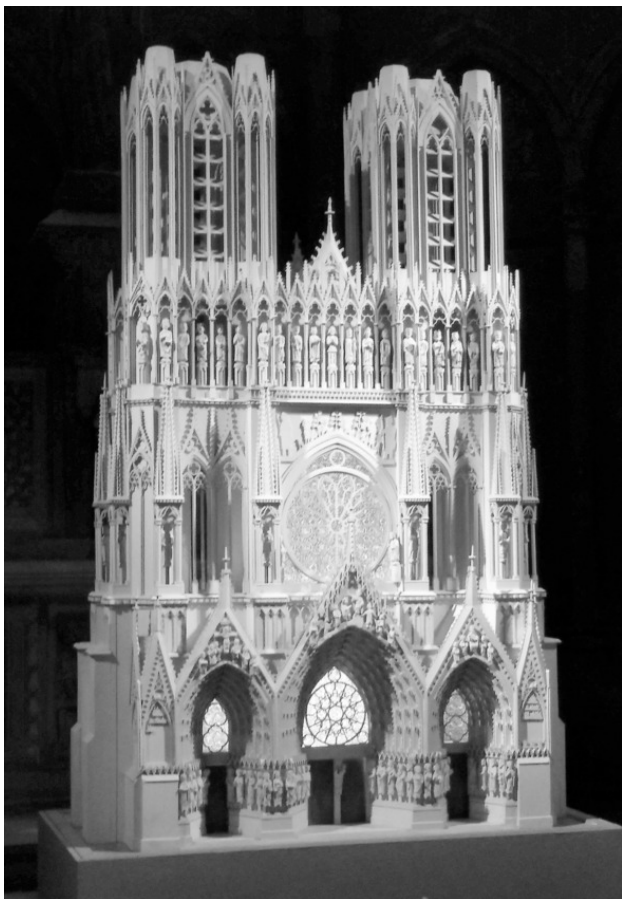
День разыгрался ближе к обеду. Ещё утром над городом лежала тонкая дымка из легких, почти невесомых облаков, но к полудню от неё не осталось и следа. Облака растаяли, и теперь в чистом и высоком небе безраздельно царствовало июльское солнце, которое, не собиравшись ни с кем делить ни этот день, ни это небо, ни этот город, собравшийся на главной площади перед величественным собором.

В лучах полуденного солнца собор был необычайно красив. За всё время, что город стоял на земле, его жители не смогли создать ничего более возвышенного и совершенного. Рождались и умирали поколения, а он огромным, невесомым облаком веками неторопливо плыл над крышами домов, кварталами и площадями, парками и мостами. Солнечные зайчики весело прыгали по его кровле, заглядывали сквозь витражи внутрь здания и затем, вдоволь наигравшись друг с другом, разбегались по соседним домам и переулкам, прятались в салонах проезжавших мимо машин, улыбках местных красавиц и детском смехе, который звучал почти непрерывно, настолько всем было хорошо.

Неожиданно, вступили фанфары. Голуби, до этого безмятежно гулявшие по площади, забились крыльями, взлетели и расселись на многочисленных скульптурах, украшавших портал здания. Но фанфары были настойчивы и протрубили

во второй раз, а затем и в третий, заставив птиц подняться в небо. Внезапно от них отделился один голубь, единственный белого цвета, и, сделав несколько кругов над над собором, помчался догонять стаю. Как будто попрощался.

В то же мгновение земля содрогнулась. Храм приподнялся и начал медленно оседать, заваливаться внутрь. Потемнело. Это поднявшаяся в воздух пыль закрыла солнце, почти целиком окутав здание, и долго не оседала. Как будто собор не хотел, чтобы кто-то видел его последние мгновения на этой земле, в этом городе, среди этих людей, которые не смогли или не захотели его спасти.

Часть первая

Глава 1. Мать Мария

Мария вздрогнула и открыла глаза. В келье было тихо и темно. Размеренно шли часы. В углу перед иконами теплилась лампадка, свет которой выхватывал из темноты очертания комнаты, устроенной по-старинному, вокруг русской печи. За окном безмолвно шёл снег, сквозь пелену которого угадывалась робкая линия берега большой, скованной льдом реки, и дальше, сколько хватит взора, лес, бесконечный, как и сама северная зима.

Сон окончательно прошел, и снился не впервые. Однако на этот раз он был настолько реальным, что Марии какое-то время казалось, будто пыль и песок, поднятые в воздух взрывом, до сих пор не осели и скрипят на зубах.

Женщина встала, накинула шаль, зажгла свечу, подошла к стоявшему в углу комнаты комоду, достала из него небольшую коробку, поставила на стол и села напротив, неподвижно и молча, не решаясь открыть. Помедлив так какое-то время, она достала из коробки пожелтевший от времени конверт и из него фотографию с изображением величественного, удивительной красоты храма, положила перед собой на стол и тут же перевернула. Словно ей было тяжело ви-

деть этот снимок. Порыв ветра ударил в окно и, найдя щель в старой раме, качнул пламя свечи, осветившее обратную сторону карточки и на ней надпись, сделанную крупным и уверенным, мужским почерком: «Мы сделали это! Реймс. 1.07.2182».

Неожиданно за дверью послышались торпливые шаги, и мужской голос спросил:

– Мать Мария, не спите? Есть новости от «стрижей». Можно войти?

– Минуточку, отец Филипп!

Женщина убрала снимок в коробку, поправила шаль, взяла в руки свечу и слегка приподняла, чтобы, входя в избу с улицы, гость мог разглядеть порог.

– Входите! И, пожалуйста, возьмите в сенях несколько поленьев. В доме зябко. Затопим печь.

– Уже! – весело откликнулся голос. – И я не один.

С этими словами в келью с клубами морозного воздуха не вошел, а буквально ввалился рослый, улыбчивый священник средних лет и грудой дров на руках и за ним женщина, держащая в руках туго перетянутый узелок.

– Прости, что рано, но мы не с пустыми руками. Сашенька пироги пекла, вот и захватили к чаю. Как «стрижи» из дозора вернулись, так сразу и собрались. Видим – у тебя в окне свет горит. Значит, не спишь. И хорошо! Потому что новости, прямо скажу, неважные.

Священник поёжился.

– А у тебя и впрямь нежарко. Но это мы сейчас исправим.

Гость наклонился к печи и принялся укладывать в подтопок дрова каким-то одним, только ему знакомым способом. В то время как матушка развязала узелок и, словно фокусник, достала из него блюдо с пирогами и поставила на противень, который уже начинал краснеть. В избе запахло уютом и надеждой, домом и детством, в котором у Марии когда-то тоже был очаг. Только не печь, а камин, за дровами для которого они с отцом ходили в ближайший буковый лес на окраине Портсмута, где тогда жила семья, и эти походы казались ей невероятным приключением. Мария улыбнулась: «Ах, если бы тогда она могла знать, какие, на самом деле, бывают приключения! Хотя зачем это пятилетней девочке?»

– Ну, вот! Чем богаты, тем и рады! – отец Филипп развел руками, приглашая хозяйку кельи за стол, словно не он, а она была его гостьей.

Несмотря на то, что без малого треть жизни Мария провела в «Русском пограничье», как власти Империи называли земли к востоку от Москвы, эта поразительная, граничащая с бесцеремонностью открытость местных жителей не перестала удивлять её, коренную британку, всё ещё смущавшуюся ходить в гости без особого приглашения. Хотя куда здесь было пойти? Двадцать изб на крутом берегу реки, петляющей среди покрытых лесами увалов и заросших молодым ельником полей – вот и всё поселение. Каким оно было по счету за годы скитаний? Сколько судеб прошло перед

глазами? Сколько раз душа спрашивала, не ошиблась ли она, выбрав такой путь, такую жизнь? И каждый раз, чувствуя искреннее расположение этих людей, Мария гнала сомнения от себя.

Вот и сейчас, видя с каким участием гости пытаются вдохнуть жизнь в её келью, она лишь улыбнулась и спросила:

– Так чем, отец Филипп, я обязана столь раннему визиту?

Священник закрыл подтопок и распрямился, отчего оказался почти на голову выше хозяйки, поправил широкой ладонью волосы и произнес:

– Вчера ночью, примерно в десяти верстах выше устья реки «стрижи» видели огни. Много огней. И хотя ещё предстоит выяснить, кто и зачем к нам пожаловал, видимо, пришло время покинуть и этот мыс.

«Стрижами» в общине называли мальчишек – разведчиков, которые, подражая взрослым, несли своё посильное, но важное послушание – наблюдали за появлением в округе непрошенных гостей. Первые гости объявились три дня назад, там же за рекой и, по всей видимости, были военными разведчиками. Пришельцы могли заметить «стрижей» и оставленные ими следы, и догадаться, что где-то в округе есть поселение «повстанцев», как власти Империи называли тех, кто дерзал думать и жить иначе, чем на всё и всегда согласное большинство.

Описать их одной краской было нельзя. Настолько они были разными. Беглые каторжники и скрывавшиеся от пра-

восудия преступники. Упёртые оппозиционеры, готовые встать в позу при любой власти и бороться с ней до конца. Непризнанные гении, непонятые таланты и прочие «искатели своего», как когда-то с презрением отозвался «*обо всей этой публике*» один высокопоставленный офицер. Давно. Очень давно. Когда Мария была молода и верила каждому слову. Сколько с тех пор пролетело лет! Сколько и скольких довелось за это время повидать!

Однако люди, окружавшие Марию здесь, в этом селении, были другими – скромными и внимательными, заботливыми, как говорили в старину, «участливыми». Что касается «своего», то его они не выпячивали, но и отказываться от своего мнения, мыслей, взглядов, вкусов, образа жизни не собирались, и, при необходимости, были готовы бороться за них до последнего. И вот, судя по всему, этот час пришел.

– Как думаете, отец Филипп, сколько времени у нас есть?

– День или два. Не больше. Поэтому уходить надо сегодня.

– Но куда?

– Помните, прошлой осенью мы приютили странника? Так вот он рассказывал, что вниз по реке есть старое городище, на котором проживает несколько семей. Примерно в трех днях пути.

– Три дня! Зимой? На морозе? Это же целая вечность! – воскликнула матушка Александра.

– Боюсь, что другого выхода нет, – ответил священник. – Вспомни, родная, что пять лет назад они сделали с Раифой!

Хорошо, что братья тогда не стали ждать и после появления первого дрона сразу поспешили уйти. Иначе один удар ракетой, и никого не осталось бы в живых.

— Но тогда было лето, а сейчас зима, и половина из нас — старики, женщины и дети, — возразила супруга. — Хотя, возможно, ты прав, и пора уходить. Что скажете, мать Мария?

Гости посмотрели на хозяйку кельи, но в этот миг дверь неожиданно распахнулась, и в неё просунулись две всклокоченных головы, Гаврика и Сергея, сына отца Филиппа, который, едва переведя дыхание, выпалил: «Дроны! Там за рекой! Над Красным бором». Все прильнули к окну.

Рассвело, снег перестал, и теперь над лесом за противоположным берегом реки в низком, белёсом небе были заметны две черных точки, которые издалека можно было принять за ястребов. Только ястребы парами не летали. Это были дроны, которые, не спеша, делали свою привычную работу. Описывая широкие круги, дроны приближались к мысу, на котором был расположен поселок. Судя по тому, как медленно они летели, было ясно, что дроны несут не только разведывательную аппаратуру, но и ракеты. Как и тогда, пять лет назад, в Раифе.

— Ну, вот и всё! — выдохнула матушка.

Отец Филипп привлек супругу к себе и обнял. Матушка посмотрела в глаза мужу, но тот, вместо слов прощания, неожиданно начал вполголоса читать: «Да воскреснет Бог, и расточаться врази Его и да бежат от Него ненавидящие

его». Это была молитва на ограждение от злых сил. Дойдя до слов «Кресте Господень, помогай нам», отец Филипп поднял руку и перекрестил один из летящих дронов, и тут случилось невероятное – дрон вздрогнул и... разлетелся на тысячу частей.

Все переглянулись. Удивление было всеобщим, но больше всех, пожалуй, удивился сам отец Филипп. Он тут же перекрестил второй дрон. Но чуда не случилось, дрон продолжал лететь. Священник перекрестил его второй раз, третий. Не помогло. Вот дрон уже пересек линию леса. Ещё немного, и посёлок будет обнаружен. Но тут среди столетних елей неожиданно мелькнула вспышка огня. Дрон вздрогнул и вспыхнул, а ещё мгновение спустя до посёлка докатилось эхо ружейного выстрела, потонувшее в громе мощного взрыва. И только тогда гости вспомнили о Максиме-леснике, заядлом охотнике и рыболове, который год назад устроил за рекой заимку. Видимо, он также заметил дронов и, чтобы другие могли спастись, решил принять удар на себя. Теперь горизонт был чист.

– Кажется, у нас появился шанс. Значит так! Гавриил и Сергей, – отец Филипп повернулся к мальчикам, назвав их полными именами, – бегите по домам, собирайте мужчин. Сейчас половина восьмого. Ровно в восемь встречаемся у часовни. Там и решим куда идти. Но уходить придётся сегодня. Другого шанса не будет. И смотрите – без лишнего шума. Всё поняли? Тогда с Богом!

Мальчишки пулей вылетели за дверь.

– А ты, Сашенька, – священник ласково посмотрел на жену, – останься с матерью Марией, помоги собраться в дорогу, приготовь что-нибудь и сама подкрепись, а мы за вами вернёмся.

Однако не успел отец Филипп договорить, как Мария негромко, но достаточно твёрдо для того, чтобы гости могли понять серьёзность её намерений, произнесла:

– Друзья, спасибо! Но, право, не стоит, потому что... я остаюсь.

В келье стало тихо. Настолько, что снова стал слышен ход часов. Матушка Александра посмотрела на мужа, и отец Филипп уже собрался возразить, но Мария его упредила:

– Я приняла это решение давно, когда мы только поселились на этом мысу. Решила, что уже никуда отсюда не уйду. Так что время подумать у меня было. Обо мне не волнуйтесь. Если есть на то воля Божья, мы ещё свидимся, а если нет, то от судьбы не убежишь. Да, и сколько можно от неё бегать. Пора и ответ дать.

– За что? – спросила матушка Александра.

– Отец Филипп знает, – ответила Мария всё тем же тихим, но полным самообладания голосом. – Да, и отцу Досифею я также рассказывала. На исповеди. Только это мой грех, и отвечать за него также мне. А вы – другое дело! Вы молоды, и можете позаботиться о других. Вот и позаботьтесь! И гостинцы возьмите с собой. Они вам нужнее. А мне нужнее

ваши молитвы. О них и прошу. Ну, пора! Отец Филипп, благословите! – и Мария склонила голову перед священником.

Отец Филипп неловко, словно смущаясь своей власти, благословил хозяйку кельи, затем обнял и по-отечески, с высоты своего роста, поцеловал в лоб, накинул на свои плечи полушубок и, молча, вышел из кельи. Простилась и Александра.

В открытую дверь вместе с морозным воздухом ворвались обрывки разговоров, детский плач, скрип полозьев и звуки чьих-то торопливых шагов. Мария затеплила свечу и начала неторопливо читать акафист святителю Николаю, прося защитить тех, кому предстоял далёкий, полный опасностей путь. Когда чтение было окончено, она ещё какое-то время побыла в келье, чтобы никого не смущать и самой не смущаться, затем накинула шаль и вышла на крыльцо.

День окончательно вступил в свои права. Вокруг не было ни души. Потеплело. Снова пошел снег. Словно хотел скрыть, спрятать санный след, уходящий на запад, вдоль реки, туда, где в трех днях пути людей, ставших за эти годы близкими, почти родными, возможно, ждали такие же скитальцы. Мария перекрестила санный след и вернулась в келью, плотно задвинула заслонку печи и заметила, что Александра всё же оставила блюдо с пирогами. Вспомнив добрую и заботливую матушку, Мария улыбнулась, переставила блюдо с печи на стол, заварила чай и села у окна, ожидая прихода непрощенных гостей.

Прошло несколько часов. Приблизились сумерки. Неожиданно дверь заскрипела, в сенях послышались шаги, и незнакомый голос произнес:

– Господин полковник, я вижу свет! В доме кто-то есть.

– Полковник? В такой глуши? – удивилась Мария, а вслух произнесла. – Входите. Не закрыто.

– Здесь женщина! – на этот раз голос прозвучал ближе.

Дверь заскрипела и подалась, впустив в остывший дом клубы морозного воздуха и двух людей, один из которых, тот, что был старше и выше ростом, войдя в дом, снял головной убор, знакомым жестом поправил седые волосы и произнес:

– Ну, здравствуй, Софи! Вот мы и встретились.

Глава 2. Как всё начиналось

– Лейтенант! Надеюсь, Вы понимаете, что за каждого из этих людей ручаетесь головой? Поскольку, если что-то пойдёт не так, отвечать за это придётся самым серьёзным образом. Причём не только Вам.

– Так точно, господин полковник!

– Тогда расскажите мне, например, ... о ней.

Полковник Моррон бросил на стол досье с фотографией симпатичной девушки и угловым штампом «Реймс. Start-Up. 1 июля 2182 года», которым были помечены все папки.

– София Персон¹. Двадцать лет. Родилась в Портсмуте, департамент Британия. До шести лет проживала с семьей на Кингс-роуд, 14. Отец – Генри Персон, заведующий местной клиникой. Мать – Клэр Персон, домохозяйка. На первом тестировании показала выдающийся результат, первый в Восточном Сассексе и третий в Британии. Воспитывалась в Эдинбургском интернате для особенно одарённых детей. На втором тестировании подтвердила исключительные способности к изучению общественных наук и была зачислена в Юнгианский колледж в Кешвиле, который окончила с отличием. Сейчас студентка Реймского университета. Философский факультет. Последний курс. Дипломница доктора Филипса, с работами которого познакомилась еще в Кешви-

¹ Person (англ.) – человек

ле...

Услышав знакомое имя, Моррон прервал рассказ:

– Лейтенант, что Вам известно о докторе Филиппсе?

– Почти ничего, у меня был допуск только к информации первого уровня.

– Тогда откуда Вы знаете о том, что она интересовалась его научными работами? Вы встречались с доктором Филиппсом? Или, может, Вы встречались с этой студенткой?

Лейтенант, до этого стоявший по стойке смирно, неожиданно сник, опустил голову и тихо, почти как провинившийся школьник, одними губами произнес:

– Только один раз.

– При свидетелях?

– Никак нет. Один на один, – выпалил лейтенант, не подумав, что следующий вопрос не заставит себя долго ждать.

– И как это произошло? Расскажите!

– Мы встретились в студенческом кафе. Я подумал, что для пользы дела нам надо познакомиться поближе, и сказал, что в свободное время также люблю почитать Юнга и Фрома. Вот мы и разговорились.

Полковник Моррон сделал брезгливую мину. Словно съел что-то кислое.

– И всё?

– Всё. Клянусь!

– Что Вам сказать, лейтенант? – Моррон посмотрел на собеседника взглядом, от которого тот захотел провалиться

сквозь землю. — Запомните — офицеры Внутренней службы интересуются философами только в том случае, если те являются подследственными. До акции осталось три дня, и искать новых доверенных лиц некогда. Если Вы допустили ошибку, ответите по всей строгости закона. Скоро мы об этом узнаем. Пока же свяжитесь с телецентром и сообщите, что записывать выступления участников акции будем завтра. Я распоряжусь, чтобы их пригласили в студию. Всё ли Вам понятно?

— Так точно!

— Тогда исполняйте.

Полковник откинулся на спинку кресла, давая понять, что разговор окончен. Однако лейтенант всё еще не мог поверить своему счастью, и ненапрасно. Потому что, едва он повернулся, чтобы выйти из кабинета, как Моррон неожиданно спросил:

— Прелаз — это, кажется, сербская фамилия?

— Так точно!

— И что она означает?

Лейтенант замешкался и смущенно, словно стесняясь своей фамилии, произнёс по слогам:

— Пе-ре-беж-чик.

— Послушайте моего совета, юноша! — Полковник поднял глаза и снисходительно посмотрел на своего подчиненного. — С такой фамилией карьеру во Внутренней службе не сделать. Выберите что-нибудь более... подходящее. Например, Край-

цунг². Михаэль Крайцунг. Что скажете?

– Признаться, я и сам думал об этом, – согласился лейтенант.

– Вот и сделайте. – Моррон снова уставился в лежавшие перед ним бумаги и добавил. – Конечно, если через три дня это будет Вам нужно.

Так потомок сербских эмигрантов Милош Прелаз стал Михаэлем Крайцунгом, не зная, что эта перемена стала первой в череде невероятных событий, которым было предназначено произойти.

² Kreuzung (нем.) – перекрёсток.

Глава 3. Подруги

– Софи, у тебя кто-то есть?

– С чего ты взяла?

– Так все признаки на лицо! Вот и сейчас я спросила, а ты не ответила. Значит, у тебя точно кто-то есть. Не тот ли лейтенант – философ, с которым ты так мило беседовала в кафе?

– Всё тебе надо знать, Элен! – Софи почувствовала, как по щекам разлился розовый глянec. – Я пока ещё и сама ничего толком не знаю. Так встретились всего один раз и поговорили. Больше ничего и не было! И никакой он не философ. Это я сразу поняла. Просто военный.

– Ага! – воскликнула Элен. – Значит, я угадала! И впредь не думай ничего скрывать от своей лучшей подруги! Всё равно не скроешь! – и девушка жестом показала, что видит Софи насквозь, изобразив то ли рентгеновский луч, то ли полёт стрелы, пронзающей сердце.

Подруги засмеялись, обнялись и так, обнявшись, прошли целый пролет лестницы, пока внезапно раздавшийся звонок не поторопил их на консультацию перед экзаменом. Последним в этом семестре. Если не считать защиты диплома. А затем – прощай, университет! здравствуй, взрослая жизнь!

В дверях девушки столкнулись с деканом факультета доктором Рэббитом, который попросил Софи заглянуть в дека-

нат по какому-то «очень важному делу». Так и сказал «очень важному». На что Элен, подняв нос и закатив глаза, состроила настолько смешную мину, что подружки, дурачась и смеясь, влетели в кабинет и стали пробираться на своё «законное и насиженное» место в последнем ряду у окна, с которого, как на ладони была видна вся аудитория, а также залитый солнечными лучами *Boulevard de la Paix* – Проспект Мира.

Судя по тому, как долго не могли успокоиться однокурсницы, не только у Элен и Софи в этот день было игривое настроение. Постоянно в разных концах аудитории возникали смех и разговоры. Пока в конце занятия по всей аудитории, с первых рядов до последних, не прокатилась волна девчачьих голосов: «Смотрите! Курсанты! И какие красивые!». После чего, забыв о предстоящем экзамене, студентки сгруппировались у окна, наблюдая, как по Проспекту Мира движется колонна из нескольких десятков машин, и в каждой из них рядами, плечом к плечу сидят курсанты Офицерской школы, немного уставшие, но такие славные, что было преступлением не помахать им рукой и не зардеться, когда в ответ кто-то из них пошлет воздушный поцелуй.

Консультация была окончательно сорвана. К радости почти всей аудитории. И только один человек в ней был по-прежнему собран и даже печален – доктор Томас Филипс. Потому что знал, куда и зачем машины везут курсантов. Знал, что спустя годы многие из них будут вспоминать и этот день, и эту поездку по улицам Реймса, и девушек, привет-

ливо машущих руками из окон университета. Вспоминать со слезами на глазах.

Уже около года волей своего непосредственного начальника Имперского Министра пропаганды Йозефа Готта³, тайно от своих коллег, доктор Филиппс был вовлечен в подготовку масштабной антицерковной кампании. Поскольку прежде доктор был далек от религии, то взялся за эту работу без особого смущения. Однако вскоре судьба сделала крутой поворот, описать который понадобилась бы отдельная книга⁴. Достаточно сказать, Филиппс не только познакомился с христианами, но и вместе с женой Маргарет принял Крещение и теперь, зная, куда и зачем везут курсантов, не мог не испытывать боли за то, что должно было произойти.

Желая уже первым ударом нокаутировать противника, Высший Круг принял решение взорвать Реймский собор – один из самых известных символов христианской Европы. Храм, в котором в течение восьми веков венчались на царство все французские короли. Взрыв должен был произойти через три дня, в течение которых курсантам предстояло стать глухим и немым оцеплением, за которое не мог бы проникнуть ни один человек.

Когда последняя машина с курсантами повернула на *Rue Eugène Desteuque* – улицу Эжен Дестёк, Элен повернулась к подруге и выпалила:

³ Gott (нем.) – Бог.

⁴ См. первую книгу «Вооковый лес» (Буковый лес).

– Теперь понятно, куда их повезли. К собору. Интересно, зачем? Хотя, впрочем, какая разница! А как хороши! Особенно тот капрал в третьей машине, что помахал мне рукой!

– Ты уверена, что он помахал именно тебе? – с улыбкой спросила Софи.

– А вот это мы, пожалуй, сейчас и проверим! – В глазах подруги засиял озорной огонёк. – Ты со мной?

– Куда?

– На соборную площадь! Куда же ещё! И поскорей, поскольку через четверть часа там будет добрая половина университета. Так ты идёшь?

– Не могу. Рэббит просил заглянуть в деканат.

– Ну, как знаешь! – прокричала Элен из дверей, и её слова потонули в шуме голосов, которые в считанные секунды заполнили коридор подобно тому, как во время грозы наполняется водой и выходит из берегов горный ручей. Софи спустилась на один этаж и, миновав несколько кабинетов, остановилась перед дверью деканата, пытаясь угадать, по какому «важному делу» вызвал её доктор Рэббит.

Глава 4. Братец кролик

Если бы кто-то набрался храбрости и сказал Полу Рэббиту⁵, что одной из наиболее ярких черт его характера является лицемерие, в ответ доктор, скорее всего, снисходительно улыбнулся бы и сделал вид, что ничего не произошло, но обидчика не простил. Что-что, а «делать вид» декан философского факультета умел, как никто другой. Чем, собственно, и достиг своего нынешнего положения.

В Реймсе доктор Рэббит появился полгода назад вместе с новым ректором Иоганном Бухом⁶, команда которого быстро прибрала к рукам все значимые должности. Всё это происходило под лозунгом «наведения элементарного порядка», который, по мнению Буха, должен был положить конец «периоду расхлябанности и распушенности», связанной с правлением прежнего ректора и «вывести университет на новый уровень».

Все это время слова «*Ordnung uber alles!*» – «Порядок превыше всего!» настолько часто звучали на различных «планинках», «летучках», «пятиминутках» и прочих собраниях, что один из профессоров однажды не выдержал и назвал родной университет «*Буковым лесом*» или по-немецки *Buchenwald*-ом, сравнив его с известным концлагерем.

⁵ Rabbit (англ.) – кролик.

⁶ Buch (нем.) – книга.

Грустная шутка, что называется, «пошла в народ», и стояла профессору должности.

С тех пор коллеги, помня о том, что «у стен есть уши», перестали не только шутить, но и разговаривать друг с другом. В результате чего «благочестивая тишина» воцарилась не только на совещаниях, но также на защите диссертаций и дипломных работ. Чему, впрочем, некоторые были рады. Особенно те студенты и соискатели, чьи бездарные труды могли рассыпаться в прах от пары неудобных вопросов. И хотя многие понимали, что в новых условиях наука из поиска истины стала превращаться в рутинную бюрократическую писанину, говорить об этом никто не решался. Надеюсь, что однажды ветер перемен, который принес в университет нового ректора, переменится, и вместе с ним покинет Реймс вся его команда, в том числе «братец кролик», как студенты в шутку прозвали своего декана.

Рэббита студенты невзлюбили сразу. Не только потому, что коренастый, суетный, рыжебородый, с вечно бегающими по сторонам глазками декан, действительно, был похож на кролика, и, как кролик, был также труслив и сер. Всё это студенты могли бы простить. Но, когда Рэббит, стараясь предугадать «полёт мысли» ректора, предложил ввести на факультете раздельное обучение юношей и девушек, чтобы ты «меньше отвлекались от учёбы», снести этого студенты не смогли и оформили ненавистному декану подписку на журнал «Кролиководство в Империи». На реальный пе-

чатный журнал. В личный почтовый ящик. На весь год. В количестве ста экземпляров! Рэббит, как всегда, промолчал. Однако выводы сделал. Быстро вычислил зачинщиков и добился их отчисления. Больше с ним не связывались.

Разговор с Софи декан начал с того, что у Рэббита получалось лучше всего – постарался придать предстоящей беседе особый вес и значение.

– Прежде всего, должен предупредить, Софи, что всё услышанное в этом кабинете должно остаться между нами. Поскольку я беседую с *тобой* – Рэббит намеренно перешел на *ты*, чтобы ещё в начале разговора, показать собеседнику, кто здесь главный – выполняя ответственное поручение одного очень важного лица, которое этим разговором оказало нам высокое доверие, пригласив к участию в поистине великом событии.

Доктор Рэббит был опытным переговорщиком и понимал, что, позволив собеседнику почувствовать себя частью чего-то большого и важного, он не только тешил его самолюбие, но и нажимал на кнопки, о существовании которых сам человек, порой, не догадывался. Тем более студент или студентка, весь жизненный опыт которых, как и биография, легко умещались на стандартном листе бумаги.

Со стороны это было похоже на перехват управления. Причем весьма изощренным способом. В результате чего человек, который ещё недавно самостоятельно решал, куда ему идти и что думать, добровольно от этого отказывался и пе-

редавал бразды управления собой новому вознице. Дальнейшее было «делом техники» и зависело от того, кто является вашим собеседником. Так клерку можно было пообещать должность во влиятельной международной корпорации, молодому чиновнику – кресло в номенклатуре, начинающему ученому – место в докторантуре, бандиту – положение в авторитетной банде, а романтику с горячим сердцем – перспективу изменить и улучшить мир.

Но только с одним условием – обязательно в «команде», и для этого признать интересы «команды» выше своих, а, в идеале, вообще отказаться от всего «своего» – вкусов и увлечений, мыслей и чувств, убеждений, прав и свобод. При этом вопрос, почему я должен довериться этой «команде» или «системе», задать себе решались немногие. Поскольку он казался непозволительно дерзким. Особенно, тем юным и чистым сердцам, в которых пламя братской любви ещё не погасло. Именно поэтому добычей «системы» часто становились самые скромные и лучшие из людей.

София Персон не была исключением. Привыкшая с детства не выпячивать себя и доверять взрослым, она даже не подумала о том, что за предложением декана может скрываться какой-то подвох. Тем более что Рэббит не сразу заговорил о деле, но сначала долго хвалил Софи за примерную учёбу, называл «гордостью родителей» и «надеждой науки», после чего заверил, что «сделает всё зависящее, чтобы судьба Софи сложилась успешно». И когда декан перешёл к су-

ти вопроса, он показался девушке сущим пустяком. Оказалось, что всё, о чём Рэббит хотел попросить Софи – заглянуть в университетскую телестудию и поучаствовать в конкурсном отборе на должность ведущей новостей. И хотя это было не совсем то будущее, о котором мечтала Софи, она с лёгкостью приняла предложение, и тем же вечером исполнила всё, о чём просил декан.

Работа в студии заняла от силы полчаса. Сначала Софи прошла фотопробы. Затем редактор предложил озвучить за кадром три коротких сюжета. В первом из них речь шла об открытии новой детской площадки. Во втором – о выпускниках военной кафедры, обещавших верой и правдой служить Империи. Третий сюжет был прогнозом погоды, точнее, непогоды, сулившей горожанам грозы и тучи, «нависшие над городом огромными тёмными глыбами» – почему-то именно эти слова врезались в память, но заканчивался надеждой на новые солнечные дни. Вся премудрость заключалась в том, что произносить слова нужно было громко и чётко, с жизнеутверждающей интонацией, с чем девушка легко справилась.

Прощаясь, редактор попросил Софи «до времени» никому об их встрече не рассказывать. Даже лучшей подруге. Формально, чтобы не вызвать тем самым ревности или зависти. Но это было лишним. Поскольку засыпать пришлось в одиночестве. Элен куда-то запропастилась. Что, впрочем, бывало уже не раз.

Единственное, что не давало покоя, когда, пытаясь заснуть, Софи перебирала в памяти события прошедшего дня – почему Рэббит с таким пафосом говорил о, вообще, самой обычной работе? Что-то здесь «не клеилось», как сказала бы Элен. Но что? Это Софи поняла позже. Когда наступил Тот Самый День.

Глава 5. Трепанация сознания

Последний день июня 2182 года София Персон провела, как в тумане, обложившись книгами, листая конспекты, пересматривая видеозаписи лекций и семинаров, практически не выключая компьютер, непрестанно что-то печатая, набирая, форматирова, исправляя, дополняя, открывая и сохраняя.

Выпускной экзамен был назначен на 1 июля и совмещен с защитой дипломной работы. Таким образом, что, если защита проходила успешно, экзамен отменялся. Но, если студент заваливал диплом, дальше спасти его могло только чудо. Как и большинство однокурсников, Софи в чудеса не верила. Поэтому ей оставалось одно – зубрить, зубрить и ещё раз зубрить. И она зубрила.

Единственной тонкой ниточкой, которая соединяла Софи с окружающим миром, была Элен. Но та, казалось, совершенно забыла об экзаменах и часами пропадала в городе. Точнее, в его центральных кварталах, вокруг которых было выставлено оцепление, в три линии опоясавшее Реймский собор. Не для того, чтобы сохранить, уберечь, спасти храм от нашествия варваров, но, наоборот, чтобы заминировать и взорвать и тем самым нанести сокрушительный удар по древнему врагу Империи – христианской Церкви, всё ещё державшей жить по своим законам.

Как и любая масштабная кампания, борьба с христианами требовала соответствующей подготовки. Своего рода «*трепанации сознания*», призванной сделать белое – чёрным, а чёрное – белым. Чем уже много лет занималось Имперское Управление социальной инженерии, без устали производившее новые программы, концепции и «дорожные карты», которые быстро становились обязательными для исполнения.

Так было и на этот раз. С лёгкой руки Управления, с 1 июля 2182 года на всём пространстве Империи вводилось новое летоисчисление, знаменовавшее наступление Новой Мирной Эпохи. В связи с чем, все христианские символы объявлялись устаревшими, подлежали забвению или, как Реймский собор, уничтожению. Поскольку «*забыть*» столь величественный храм можно было только одним способом – уничтожив его.

Пока Софи, зарывшись в учебники, готовилась к выпускному экзамену, а Элен пыталась привлечь к себе внимание капрала, стоявшего в оцеплении на углу *Rue Chanzy* и *Rue Libergier* – улиц Шанзи и Либержье, за спинами этого оцепления подрывники крепили на стены храма взрывчатку.

А что же жители Реймса? Они смотрели на происходящее с удивлением. Однако без возмущения. Немногочисленные прихожане собора, привыкшие ничего не делать без благословения, ждали указаний священников, а те, в свою очередь, распоряжений епископа, который изменить ничего

не мог, поскольку собор давно уже находился в собственности городских властей. Что касается остальных горожан, то для них всё это было не так уж и важно.

Конечно, были и сомневающиеся, которым было адресовано выступление мэра города месье Бэвара⁷, заявившего, что, освободившись от бремени содержания собора, мэрия сможет отремонтировать ещё больше улиц и площадей, разбить больше парков и скверов. «А что касается туристов, – успокоил горожан месье Бэвар, – то, как известно, ничто так не привлекает публику и не обходится так дёшево, как развалины. Поэтому без туристов город не останется».

Из-за того ли, что медиаканалы крутили выступление мэра каждые полчаса, или потому, что события развивались необычайно стремительно, никто из горожан на улицу так и не вышел и на защиту собора не встал.

Нельзя сказать, чтобы, готовясь к экзаменам, София ничего об этом не знала. Знала! Виной чему была всё та же Элен, которая впервые пришла к собору вечером 28 июня и, увидев оцепление, не могла не поразиться «богатству выбора». С тех пор все мысли и разговоры подружки были только о курсантах и том, «какие они душки!».

Вот и на этот раз, сидя за столиком в студенческом кафе, Элен заговорщически шептала:

– Представляешь! Сегодня один из них – помнишь капрала, который помахал нам рукой из машины? – сначала

⁷ Bavard (фр.) – болтун.

спросил, как меня зовут, а затем говорит, – подруга приняла весьма забавную позу – «У меня к Вам, мадемуазель Элен, есть один важный разговор. Не могли бы мы снова встретиться этим вечером, когда мой взвод снова заступит в оцепление?».

– И что ты ответила? – поинтересовалась Софи.

Но слов не понадобилось – за Элен ответили её глаза, которые сияли так ярко, что Софи отвела взгляд. Подруга была влюблена и, как все влюбленные, одержима внезапно нахлынувшим чувством настолько, что даже не думала о том, с какой целью было выставлено оцепление. Не думала о том, что скоро этот величественный, удивительной красоты храм, который без малого тысячу лет был главным украшением города, останется только в воспоминаниях его жителей да ещё на старых фотографиях, которые, сколь бы не были хороши, сам храм не заменят.

Впрочем, в таком положении были все жители Реймса. В их городе должно было произойти нечто доселе невиданное и страшное, а они, как ни в чём не бывало, утром привычно спешили на работу, обедали с коллегами в соседнем кафе, по пути домой успевали заглянуть в пару магазинов, а вечером встречались с друзьями, сетуя на то, что «из-за дурацкого оцепления» не могут посидеть в любимом ресторанчике в центральном квартале. Словно храм был всего лишь декорацией дружеских посиделок, не более. Словно когда-то, очень давно, в своём сознании они уже провели

незримую, но чёткую черту между храмом и своей жизнью, и сами встали в оцепление, бдительно наблюдая за тем, чтобы никто и они сами в том числе, никогда и ни при каких обстоятельствах этой черты не пересёк.

Вечером Элен упорхнула на свидание с капралом, а, вернувшись, огорошила подругу неожиданным признанием, что, как оказалось, капрала интересовала не она, а Софи.

– Представляешь! Все уши мне тобой прожужжал! Как зовут? На каком факультете учишься? Где живёшь и как можно с тобой встретиться? И под конец признался, что я нужна была лишь для того, чтобы он мог больше о тебе узнать. Ну, и ладно! – глаза подруги снова загорелись весёлым огоньком. – У этого капрала есть друг. Вот такой, – Элен даже привстала на цыпочки, чтобы быть более убедительной, – рослый, красивый, жгучий брюнет, косая сажень в плечах, и он так на меня смотрел! Если бы ты это видела! Так что знай – я не в обиде и этого капрала тебе... дарю! А меня не теряй. Вернусь уже утром.

– Куда же ты? Ночь за окном!

– А это, может, и к лучшему? – игриво произнесла подруга и, наскоро собравшись, выпорхнула за дверь, оставив Софи одну. До экзамена оставалось несколько часов.

Глава 6. Опять двадцать пять!

Защита дипломной работы Софии Персон была назначена на десять часов. Но началась часом позже и всё потому, что доктор Филипс не пришёл поддержать свою студентку. Такое случалось нечасто. Поскольку же Филипс был не только научным руководителем Софи, но и вице-президентом университета, председатель комиссии доктор Рескиер⁸ не решился начать защиту лишь, когда некоторые члены стали проявлять нетерпение, опасаясь, что могут не увидеть взрыв собора, который был намечен на двенадцать часов.

Как и большинство философских работ, диплом Софи имел заковыристое название «Отрицание в жизни человека и общества», намекавшее на то, что за такой книгой рука сама собой к полке не потянется. Однако, решившись на это, читатель уже вскоре чувствовал себя захваченным смелым повествованием, которое по объему и глубине, скорее, было похоже на докторскую диссертацию, чем на обычный студенческий диплом.

⁸ Resquilleur (фр.) – хитрец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.